

Игорь СРИБНЫЙ

ВОЙНА С ВИДОМ НА МОРЕ

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 75

Срибный, Игорь Леонидович.

С 75 **Война с видом на море / Игорь Срибный.** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-87315-9

После очередного боевого задания майор спецназа ГРУ Егор Сербин по прозвищу Седой едет вместе с братом в отпуск на юг. На обратном пути они попадают в аварию, брат погибает, а Егор становится инвалидом. О возвращении в строй теперь не может быть и речи. Но Сербин не сдается: научившись передвигаться на протезе, он возвращается в те места, где отдыхал с братом. В пансионате «Старый замок» он неожиданно сталкивается с бандой местных отмороzków, которые терроризируют беззащитный персонал. Седой не задумываясь вступает в неравную схватку с бандитами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Срибный И., 2016
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87315-9

Часть 1

Вместо пролога...

Группа ушла далеко за перевал, и только здесь стало ясно, что идти дальше не имеет смысла: в горах быстро темнеет, а впереди громоздился высокий горный кряж, преодолеть который группа уже не успевала...

Кефир и Могила ушли искать пещеру, пригодную для ночлега, а остальные упали на рюкзаки, забросив ноги на высокие валуны.

Новый начальник разведки майор Дорошин, впервые возглавивший поиск, начал развязывать шнурки на берцах...

— Не делай этого! — сказал Седой, искоса взглянув на майора.

— Почему? — удивился Дорошин. — Пусть ноги отдохнут.

— Если сейчас снимешь ботинки, ты их потом не сможешь надеть, — пробурчал Седой. — Это аксиома.

Майор Дорошин прекратил свое занятие и, как и все разведчики, забросил ноги на валун.

Стало смеркаться... Окровавленный кусок неба на западе отчаянно сражался с надвигающейся ночью за жизненное пространство. Казалось, что облитые кровью вершины гор зашевелились и вспухли гигантской живой волной, готовой обрушиться на группу сверху... С гор потянуло холодом... Дорошенко зябко поежился, кутаясь в ворот бушлата. Ему стало жутковато в этой теснине горных хребтов, и потянуло на разговор.

— Слышь, Егор! — сказал он почему-то полшепотом. — А тебя почему Седым зовут? Из-за того, что волос седой?

Седой долго молчал, закрыв глаза.

— Ты когда-нибудь слышал звук, когда пуля входит в мертвое тело? — вдруг спросил он, не открывая глаз.

— Н-не доводилось, — почему-то заикнулся Дорошин.

— В Афгане у кишлака Бедак мы вторые сутки лежали в засаде на караван. Группу повел новый командир — лейтенант Некрасов. Тебе прекрасно известно, чем кончаются в разведке штампы... Нельзя повторяться... Нельзя ходить дважды по одной и той же дороге... Ну, и так далее... Так вот, на той тропе, что мы сторожили, до этого мы уже «забили» два каравана, и Некрасов прекрасно знал об этом. Но повел нас именно к Бедаку. На рас-

свете второго дня, на самой заре начал бить снайпер духов. Тримя выстрелами он сложил гранатометчика и радиста. А мы никак не могли засечь его! Радист еще шевелился, и лейтенант Некрасов пополз к нему. И тогда снайпер начал издеваться над ним, всаживая пулю за пулей в сантиметре от его головы — в самую грань между жизнью и смертью... Но каждую третью пулю он вбивал в мертвые тела рядом. Этот звук... Это чавканье, с которым пуля пробивает мертвое уже тело... Потом ему надоело играть с Некрасовым в жизнь-смерть, и он выстрелил ему в голову... Я лежал в двух метрах от Некрасова и все видел и слышал, но ничем не мог ему помочь... Все это длилось не больше минуты... Потом снайпер ушел...

Седой замолчал. Казалось, он полностью погрузился в свои воспоминания...

— И что? — не выдержал Дорошин. — Ты так и не ответил на вопрос.

— Да, — сказал Седой. — Вопрос... Я был тогда молод, и волосы, и усы у меня были темные, почти черные... Когда я уезжал в военное училище, я не стал, как раньше, на боевых, стричься «под Котовского», и у меня быстро отросла шевелюра. Командир отряда, когда провожал меня, сказал: «Смотри-ка, Егор, Афган прошел без единого седого волоса!» Но

я-то знал, что я весь седой, как пепел. Так и сказал ему. «Да где ж ты седой?» — удивился командир. «Я весь седой внутри! Душа у меня седая, пеплом белым запорошенная!» — ответил я, потому что тот случай у кишлака Бедак отпечатался в моем мозгу намертво. А когда вернулся в отряд, то так и остался Седым. Хотя... Седеть я действительно начал очень скоро...

Глава 1

Крававо-алое солнце медленно сползло за горный кряж, чтобы где-то там отлежаться, зализать полученные накануне раны. Но к утру оно опять с опаской выглянет из-за горных вершин и, озираясь по сторонам, все так же неспешно покатится к зениту, отчаянно выжигая полнеба. И так каждый день... Словно на жертву...

Темень ночи уверенно растворялась в сверкающем горном воздухе...

— А ты что, после училища вернулся в Афган? — спросил Дорошин.

— Я думал, ты задремал... Вернулся... На должность командира группы... От должности командира роты отказался, хотя была возможность сразу запрыгнуть туда, благо была она вакантной, а желающих занять ее не было. Но решил повременить, хотя меня еще помнили по рассказам в отряде. И даже кличка «Седой», оказывается, прижилась и запомнилась. Но только люди уже были другие, командование другое... Надо было осмотреться. Ведь входило

в Афганистан одно поколение, а через пять лет воевало там уже другое... И это новое поколение офицеров уже понимало, что мы были брошены в страну, где коварство, подлость, бесчестность возводились в ранг добродетели. Где подкуп, взяточничество, спекуляция, наркотики были так же обычны, как у нас очереди к пустым прилавкам магазинов. А эти болезни не лечатся, они приобретают характер эпидемии и ширятся. От Кабула до самой Москвы. Я думаю, оттуда мы их и притащили... Эти болезни...

— Говорят, и война там была другая? Более жестокая, что ли?

— Более жестокая? — Седой присел, прижавшись к валуну спиной. — Не знаю... Вот лишние жертвы были, это точно. Я помню, как в Панджшере батальон за один день потерял семьдесят человек убитыми. Они шли по реке на юг. Две роты шли вдоль левого берега, одна — по правому. С ними шли еще по одной роте афганцев. По замыслу операции они все должны были идти по тактическим гребням, занимая высоты. Но жара стояла невыносимая, и люди начали падать. И командир батальона решил «пожалеть» своих бойцов и не тащить их в горы. Но в штаб исправно летели радиogramмы об успешном продвижении и занятии господствующих высот. В полдень, в самое пекло, комбат увел батальон под сень чахлой рощицы и устроил привал. А что? Дремотная тишина — только птички чи-

рикают, противника не видно и не слышно... Солдаты упали на раскаленные солнцем камни, прислоняясь РД к деревьям, выпили воды, закурили. И вот тут их начали расстреливать с трех точек. С тех самых тактических высот, которые они должны были по ходу движения занимать... На них обрушилась просто лавина огня... В итоге... Семьдесят человек... Мальчишек...

— И что было за это комбату? Это же прямое невыполнение приказа!

— У комбата, наверно, сразу же «сорвало крышу»... Он выхватил из кобуры «ПМ» и пошел в атаку на духов. Ему дали дойти до середины реки, где самое сильное течение, и свалили выстрелом в лоб...

Из темноты неслышно материализовались две бесплотные в садящемся на землю тумане фигуры и присели рядом с Седым, едва слышно хрустнув камнями.

— Командир, глухие стены! — полушепотом сказал Кефир. — Дальше есть крутой закоулок, для обороны, если что, удобный. Перекемарить можно только там, больше нигде.

— Веди, Сусанин, — сказал Седой, легко поднимаясь с камней, от которых теперь несло могильным холодом.

Группа вытянулась длинной цепочкой и, слегка похрустывая камешками под ногами, исчезла в каменных джунглях.

Минут через сорок дошли до укрытия, обещанного Кефиром, и тихо завозились, расстелив снайперские коврики, распаковывая спальные мешки. Ушли на посты дозоры.

Седой по укоренившейся годами привычке долго смотрел на небо, чтобы знать, какая погода ждет группу завтра. Над головами разведчиков бесшумно ворочались тяжелые тучи, набухшие проливным дождем. Воздух заметно свежел...

Седой тяжело вздохнул, предчувствуя непогоду, и стал заворачиваться в спальник.

— Спокойной ночи! — сказал вдруг Дорошин.

Седой вскинулся от удивления, подняв голову. У них не принято было произносить лишние слова, а слова, произнесенные майором, в данной ситуации выглядели не просто лишними... Они выглядели нелепо здесь, в горах, на жесткой подстилке из холодных камней, которые к утру, даже через коврик и пух спального мешка, начнут тянуть из тебя тепло...

— Да? — спросил Седой. — Спокойной ночи?

Майор не ответил. Впервые попав в такие тяжелые условия, он уже спал мертвым сном смертельно уставшего человека.

— Это ж надо такое придумать? — пробурчал Седой, снова кутая голову в спальник. — Спокойной ночи, а? Вот что значит штабное воспитание. А завтра он что, скажет «доброе утро»?

— Командир, что-то не так? — услышав глухое бурчание Седого, спросил Кефир.

— Спокойной ночи, Кефир! — ответил Седой.

— Чего-о, блин? — удивленно протянул Кефир.

— Спи, блин! — Седой наконец упаковался в тесный спальник и взвизгнул «молнией», запахиваясь до подбородка... — Дождь завтра будет!

— А-а, поэтому спокойной ночи желаете? — успокоился Кефир.

— Именно поэтому, рядовой Кефаев! Именно поэтому...